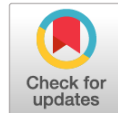

Проблемы понимания сбыта наркотических средств в доктрине и судебной практике

Шевченко Евгений Николаевич,
Начальник отдела по надзору за соблюдением
федерального законодательства прокуратуры
Псковской области
E-mail: evgs@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы судебного и научного толкования понятия сбыта наркотических средств и психотропных веществ.

В настоящее время существенным вопросом понимания сбыта в целях отграничения данной операции от всех иных видов физической передачи наркотика другим лицам, не признаваемых сбытом, как правило, должного внимания в литературе не уделяется. Тем не менее установление принадлежности наркотического средства предваряет уголовно-правовую оценку действий владельца, связанных с его использованием и распоряжением. Правильное определение субъекта, у которого имеется реальная возможность решать судьбу наркотического средства, сходная с полномочиями собственника, имеет значение не только для разграничения объективной стороны приобретения, хранения, сбыта и других действий, но и для разграничения видов соучастников, а в ряде случаев и форм соучастия.

На теоретическом уровне разрешение вопросов установления принадлежности наркотических средств и правовой оценки лиц, участвующих в их незаконном обороте, осуществляется посредством применения к отношениям, возникающим между субъектами нелегального рынка наркотиков, аналогов цивилистических конструкций вещных и обязательственных правоотношений, в основе которых лежит представление о владельце наркотика как о собственнике, обладающем вещью от себя и для себя, в отличие от пассивного ее держателя, не имеющего права собственности и действующего в интересах бенефициара. На нелегальные отношения, предметом которых выступает наркотик, переносятся известные гражданско-правовые модели правоотношений, основным участником которых выступает собственник вещи, другие же лица признаются носителями производных от собственника полномочий.

Автором дается критический анализ сложившейся в доктрине уголовного права позиции о возможности применения к незаконным сделкам с наркотиками цивилистических конструкций вещных и обязательственных правоотношений. Обосновывается несостоятельность подходов к разграничению сбыта от иных действий, связанных с передачей наркотических средств, на основе гражданско-правовых категорий. В целях решения квалификационных задач в работе предлагается исходить из фактического содержания незаконных сделок с наркотическими средствами, выражающегося в их присвоении и отчуждении.

Ключевые слова: сбыт наркотического средства, незаконная сделка, владение, отчуждение, посредник, технический переход наркотического средства.

С принятием новой редакции Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» позиция Верховного Суда РФ по ряду вопросов квалификации наркопреступлений кардинально изменилась.

Существенной корректировке подверглось понятие сбыта наркотических средств. Следует отметить, что подходы к определению понятия сбыта за последние несколько десятков лет высшей судебной инстанцией менялись трижды.

Если в соответствии с ранее действовавшим Постановлением Пленума Верховного

Суда РФ от 27.04.1993 № 2 под сбытом наркотических средств понимался любой способ их распространения, то согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 сбыт — это любой способ передачи наркотических средств другим лицам. Согласно последней редакции Постановления Пленума Верховного Суда сбытом предлагается считать деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 30 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами”».

Таким образом, на смену понятию сбыта как сделки с признанием моментом его окончания факта перехода наркотиков от сбытчика к приобретателю пришла предельно общая категория деятельности, направленной на их реализацию. Данное понятие предполагает большое многообразие действий, входящих в операционный цикл продвижения наркотика до потребителя.

В научной литературе такое толкование Верховным Судом РФ понятия сбыта наркотических средств и психотропных веществ подвергалось справедливой критике. В качестве аргументов указывалось на необоснованное расширение объективной стороны сбыта и смещение момента его окончания на более ранний период². Однако, несмотря на включение в объективную сторону сбыта наркотических средств по сути подготовительных действий, качественно его определение не изменилось. Понятие «сбыт» продолжает трактоваться Верховным Судом РФ как любой способ передачи (реализации) наркотического средства.

По нашему мнению, такое определение сбыта наркотических средств в современных условиях не позволяет правильно разрешать квалификационные коллизии, возникающие в случае необходимости квалификации действий лиц, осуществляющих отдельные операции с наркотическими средствами по инициативе их сбытчиков или заказчиков. Усложнившиеся модели незаконного оборота наркотиков с преобладанием в них сетевых схем их распространения бесконтактным способом, основной фигурой в которой выступает так называемый посредник, обострили имевшиеся ранее в доктрине и на практике проблемы квалификации их действий. В связи с различными подходами к уголовно-правовой оценке действий лиц, помогающих приобретать наркотики, дискуссия на эту тему после принятия новой редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ возобновилась.

Одни авторы предлагали квалифицировать действия по оказанию помощи в приобретении наркотических средств в качестве соисполнительства в приобретении предмета преступления наряду с заказчиками³. Другая группа

ученых продолжала отстаивать позицию, согласно которой помощь в приобретении наркотика суть пособничество⁴. Третья группа исследователей доказывала необходимость квалификации данных действий в качестве сбыта наркотических средств⁵. Имели место также точки зрения, согласно которым действия посредников следует оценивать только как приобретение наркотического средства без цели сбыта⁶.

Вместе с тем, за редким исключением, дискурс велся по направлению интерпретации характера действий посредников, тогда как базисные вопросы о юридической сущности временного владения наркотиком и значении принадлежности наркотического средства для квалификации действий субъекта по его реализации, несмотря на их значимость для разрешения квалификационных коллизий, практически не освещались. Соответственно, сущностным вопросам понимания сбыта в целях отграничения данной операции от всех иных видов физической передачи наркотика другим лицам, не признаваемых сбытом, как правило, должного внимания в литературе практически не уделялось.

Тем не менее установление принадлежности наркотического средства предваряет уголовно-правовую оценку как действий владельца, связанных с его использованием и распоряжением, так и действий иных лиц, получающих их во временное обладание. Правильное определение субъекта, у которого имеется реальная возможность решать судьбу наркотического средства, сходная с правомочиями собственника, имеет значение не только для разграничения объективной стороны приобретения, хранения, сбыта и других действий, но и для разграничения видов соучастников, а в ряде случаев и форм соучастия.

Очевидно, что далеко не каждый фактический переход наркотика от одного лица к другому возможно квалифицировать в качестве сбыта.

В научной литературе действия лиц, не являющихся «собственниками» наркотиков и осуществляющих лишь функции по их доставке (перевозке и т.д.), стали именовать

² Мурашов Н.Ф. О проблемных положениях новой редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2015 // Наркоконтроль. 2016. № 1. С. 14-15.

³ Винокуров В.Н. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228.1 УК РФ в свете новой редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Наркоконтроль. 2015. № 4. С. 8.

⁴ Долгих Т.Н. Квалификация действий посредников при незаконном приобретении и хранении наркотиков // Уголовный процесс. 2019. № 9. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.10.2019).

⁵ Мурашов Н.Ф. О некоторых положениях статьи В.Н. Курченко «Проблемы квалификации сбыта наркотиков: судебное толкование». Доктринальное толкование // Наркоконтроль. 2015. № 2. С. 37.

⁶ Аниканов А.К. Квалификация незаконного приобретения наркотического средства для другого лица // Уголовное право. 2018. № 2. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.02.2020).

техническими⁷. Соответственно, переход наркотического средства от одного лица к другому, который не влек смену его первоначального «собственника», не признавался сбытом.

На указанное обстоятельство обращалось внимание и высшей судебной инстанцией. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ отмечается, что не может квалифицироваться как незаконный сбыт реализация наркотического средства или психотропного вещества путем введения одним лицом другому лицу инъекций, если указанное средство или вещество принадлежит самому потребителю и инъекция вводится по его просьбе либо совместно приобретено потребителем и лицом, производящим инъекцию, для совместного потребления. Таким образом, Верховным Судом РФ специально подчеркивается значение принадлежности наркотического средства как условия для правовой оценки действий в качестве их сбыта.

Представляется, что в юридическом смысле сбыть можно лишь ту вещь, которой обладаешь, и, наоборот, приобрести возможно только тот предмет, в отношении которого ранее не имелась фактическая возможность распоряжаться.

Вместе с тем принадлежность наркотика, понимаемая, как правило, в качестве аналога права собственности в легальном обороте, фиксирует лишь факт его присвоения и само по себе не позволяет определить, в каких случаях физический переход наркотика от одного субъекта к другому следует считать сбытом, а в каких передача наркотика таковым не является.

Закономерно возникает вопрос о том, является ли сбытом в собственном смысле слова передача наркотика на хранение, для перевозки или между соучастниками, действующими в составе группы? В этом же ключе сохраняет свою дискуссионность вопрос о том, следует ли признавать сбытом или техническим переходом передачу наркотика заказчику посредником, получившим его от третьего лица по инициативе первого?

На теоретическом уровне разрешение вопросов установления принадлежности наркотических средств и правовой оценки лиц, участвующих в их незаконном обороте, осуществляется посредством применения к отношениям, возникающим между субъектами нелегального рынка наркотиков, аналогов гражданско-правовых конструкций вещных и обязательственных правоотношений, в основе которых лежит

представление о владельце наркотика как о собственнике, обладающем вещью от себя и для себя, в отличие от пассивного ее держателя, не имеющего права собственности и действующего в интересах бенефициара. Иными словами, на нелегальные отношения, предметом которых выступает наркотик, переносятся известные гражданско-правовые модели правоотношений, основным участником которых выступает собственник вещи, другие же лица признаются носителями производных от собственника правомочий.

К примеру, с начала 2000 г. Верховным Судом РФ предлагалось квалифицировать случаи посредничества в приобретении наркотика в качестве соисполнительства. Одним из первых дел, в котором данная позиция нашла отражение, стало дело по обвинению Гаранова⁸. По мнению Верховного Суда РФ, посредник, фактически приобретающий наркотик в целях его передачи тем или иным лицам, являющимся конечными «бенефициарами», осуществляет функцию «поверенного» в гражданско-правовом смысле, не образуя на его стороне объективной стороны сбыта наркотического средства, поскольку права на наркотик возникают непосредственно у заказчика. Начиная с 2003 г. случаи оказания помощи заказчику в приобретении наркотиков стали признаваться Верховным Судом РФ пособничеством. Новый подход к квалификации случаев посредничества применен, в частности, в деле по обвинению Кульбачука⁹.

Очевидно, что доминирующая точка зрения о необходимости применения к отношениям, возникающим между заказчиком наркотического средства и исполнителем заказа, гражданско-правовой конструкции договора поручения не позволяла признать указанных лиц соисполнителями приобретения наркотика, так как права и обязанности по сделке, совершенной поверенным, возникают непосредственно у доверителя. Соответственно, последовал вывод о том, что посредник не участвует в приобретении наркотика в смысле выполнения его объективной стороны и является пособником инициатора сделки его купли-продажи.

Несмотря на внесение 30 июня 2015 г. существенных изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами,

⁸ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 2.

⁹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 9 // Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2002 год. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.03.2020).

⁷ Токманцев Д.В., Винокуров В.Н. Новые правила квалификации незаконного приобретения и незаконного сбыта наркотических средств // Уголовное право. 2016. № 1. С. 62-67.

психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», вопрос о том, следует ли такие действия квалифицировать в качестве соисполнительства в приобретении наркотиков либо по-прежнему признавать их пособничеством в приобретении, или, исходя из обновленного понятия сбыта, считать именно таковым, является в настоящее время в науке открытым.

Противоречиво складывалась и судебная практика.

Значительная часть судов оставалась на старой позиции и квалифицировала действия лица, покупающего наркотик для приобретателя, в качестве пособничества. Как правило, такой подход объяснялся тем, что высшая судебная инстанция не изменила правовую оценку случаев оказания потребителям помощи в приобретении наркотиков, поскольку разъяснения касались исключительно случаев содействия сбыту.

К примеру, Н. осужден за совершение пособничества в покушении на приобретение наркотических средств при следующих обстоятельствах.

Ш. попросил Н. найти источник незаконного сбыта наркотического средства, сделать заказ на его приобретение и оплатить его стоимость. Н., действуя по просьбе Ш., заказал для него и с его аккаунта посредством Интернет-приложения наркотическое средство. Ш. передал Н. деньги, и тот через свой киви-кошелек оплатил стоимость заказанного наркотического средства, после чего при попытке извлечения указанного наркотического средства в подъезде Н. был задержан сотрудниками полиции¹⁰.

Одновременно возродилась ранее имевшая место практика квалификации помощи в приобретении наркотика в качестве соисполнительства.

Так, Ленинским районным судом г. Нижнего Тагила Свердловской области осужден Р., который действуя по просьбе своего знакомого о приобретении наркотического средства, получил посредством электронной платежной системы денежные средства, после чего договорился с неустановленным следствием лицом посредством использования сайта в Интернете о приобретении наркотика. Перечислив имеющиеся у него средства с помощью электронной платежной системы, Р. в указанном ему месте забрал наркотики и передал их своему знакомому. Обосновывая квалификацию действий Р. по ч. 1 ст. 228 УК РФ, суд указал, что Р. выступил в качестве соисполнителя в незаконном

приобретении без цели сбыта наркотического средства лицом, что выразилось в непосредственном предоставлении информации, средств связи, поиске лица, сбывающего наркотические средства, и передаче приобретателю наркотического средства¹¹.

Тогда же стала формироваться противоположная судебная практика, признающая посредников, действующих в интересах приобретателей, сбытчиками.

К примеру, по уголовному делу в отношении А., рассмотренном Свердловским областным судом, установлено, что А., желая оказать помощь Л., выступающей в качестве мнимого приобретателя наркотического средства при проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», и зная, что Р. может оказать помощь в приобретении наркотика, договорился с последним о встрече и приобрел у него наркотик, после чего передал Л. Суд, признавая приговор суда первой инстанции законным, указал, что А., получив от Л. денежные средства, передал (продал) ей наркотическое средство, то есть совершил их сбыт¹².

В настоящее время судебная практика, признающая посредника, действующего в интересах заказчика, сбытчиком наркотического средства, является господствующей. Вместе с тем с теоретических позиций проблема квалификации фактов посредничества не разрешена, прежде всего, по причине применения гражданско-правовых категорий при правовой оценке действий участников незаконных сделок с наркотиками.

По нашему мнению, использование гражданско-правовых конструкций для разрешения проблем квалификации приобретения и сбыта наркотических средств неоправданно.

Во-первых, применительно к обороту наркотических средств не существует титульного владения, отражающего наличие у фактического обладателя предмета, изъятого из оборота, определенного набора вещных или обязательственных прав.

Понятия приобретение, хранение, перевозка, сбыт и др. отражают криминализацию типичных по своей общественной опасности действий не столько в зависимости от наличия у владельца наркотического средства того или иного набора возможностей по его реализации, сколько

¹⁰ Апелляционное определение Курского областного суда от 13.09.2017 по делу № 22-1110/2017 // Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-kurskij-oblastnoj-sud-kurskaya-oblast-s/act-559439178/> (дата обращения: 02.06.2018).

¹¹ Приговор Ленинского районного суда г. Нижний Тагил Свердловской области от 12.12.2016 по делу № 1-420/2016 // Судакт. URL: http://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=&regular-case_doc=1-420%2F2016 (дата обращения: 25.01.2018).

¹² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 23.03.2016 по делу № 22-2366/2016. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.02.2020).

от технических сторон его использования в процессе продвижения к конечному потребителю.

В связи с этим представляется, что, оставаясь на позиции необходимости применения к незаконному обороту наркотиков гражданско-правовых категорий, коллизии, возникающие при квалификации действий лиц, осуществляющих отдельные действия с наркотиком, не подпадающие под понятия уголовно наказуемых форм опасного поведения, возможно устранить лишь путем введения в Уголовный кодекс помимо существующих (хранитель, перевозчик, сбытчик и т.д.) аналогичных существующим в гражданском законодательстве титулов «залогодержатель», «агент», «поверенный», «комиссионер» и др.

Вместе с тем такое решение указанной проблемы породило бы необходимость создания альтернативной гражданскому праву системы регулирования экономических отношений, возникающих между субъектами нелегального рынка, что, по сути, невозможно.

Очевидно, что титульного владения в рамках незаконного оборота наркотическими средствами не существует. В незаконных сделках осуществляется передача изъятой из оборота вещи, но не права на нее.

Во-вторых, гражданско-правовые категории, прежде всего, призваны отражать наличие у лиц, осуществляющих определенные действия с вещью, тех или иных вещных либо обязательственных правомочий, тогда как с точки зрения необходимости определения уголовно-правовой сущности поведения субъекта первостепенное значение имеет установление действительного характера его действий, то есть тех фактических свойств деяния, выполненного в определенных пространственно-временных условиях и с теми или иными намерениями, которые принято называть в уголовном праве объективными и субъективными признаками состава преступления.

Для уголовного права безразлично, вследствие реализации каких именно обязательств между субъектами происходит переход изъятого из оборота объекта от одного лица к другому. Договорились ли субъекты о том, что один из них приобретет наркотик за свой счет или за денежные средства инициатора сделки, передаст ли он наркотик таковому возмездно или безвозмездно, возьмет ли плату за «посреднические» услуги деньгами или частью наркотического средства — все эти обстоятельства, имеющие значение с точки зрения распознавания элементов тех или иных гражданско-правовых сделок, индифферентны для правильной уголовно-правовой оценки действий указанных лиц.

По своей сути любые сделки, в том числе и незаконные, «поднормативны» и служат

средством автономной юридической регламентации субъектами своих отношений в соответствии с собственными интересами. При совершении сделки лица придают различным фактам реальности — своим действиям, действиям третьих лиц, тем или иным событиям — определенное значение, которому соглашаются подчиняться. В этом смысле сделка выступает как требование к каждому выполнять свои обещания, поскольку сделка всегда сводима так или иначе к обещанию совершения определенных действий. Корреспондирующие друг другу обещания сторон сделки формируют систему взаимных ожиданий. Если в правомерных сделках такие взаимные ожидания контрагентов на выполнение соответствующих действий подчинены требованиям закона, который предоставляет им гарантию их реализации и облакает в правовые формы различных обязательств, то незаконные сделки противоречат установленному нормативному порядку и остаются без правовой защиты. Незаконные сделки с наркотиками порождают антисоциальные фактические отношения, содержание которых заключается, главным образом, в обеспечении продвижения наркотика до потребителя. Следует отметить, что в легальном обороте возникновение и развитие тех или иных договорных конструкций, прежде всего, связано с необходимостью повышения стабильности социально полезных правоотношений. Правовое оформление прав и обязанностей сторон сделки в качестве главных своих целей преследует защиту прав контрагентов во внутренних отношениях, а также в отношениях, возникающих с третьими лицами. Применительно к незаконным сделкам с наркотическими средствами внутренний смысл определения условий, аналогичных гражданско-правовым конструкциям, рассчитанным на применение определенной системы гарантий в случае неисполнения обязательств, утрачивается, поскольку таковые в отсутствие признания правом останутся нереализованными.

Присвоение и отчуждение наркотиков происходят в рамках фактических (экономических) отношений, при которых стороны определяют условия их оборота самостоятельно, исходя из собственных интересов и руководствуясь простейшими принципами взаиморасчета.

В рамках уголовно-правового анализа главная цель состоит в том, чтобы выяснить, произошел ли вследствие сделки акт «товарообмена» и имела ли место смена владельца наркотика, а следовательно, его отчуждение и распространение. Именно данный юридический факт имеет уголовно-правовое значение, тогда как специфические условия соглашения между заказчиком наркотика и исполнителем заказа, характерные для гражданско-правовых сделок купли-продажи,

поручения, возмездного оказания услуг, перевозки либо агентирования и т.д., отражающие механизм защиты взаимных прав контрагентов и реализации обязанностей перед третьими лицами, не важны для решения вопросов квалификации преступных деяний.

Если гражданское право для определения титульного основания обладания вещью оперирует понятием набора полномочий, то для уголовного права главный смысл заключается в установлении факта присвоения или отчужденности предмета, изъятого из оборота. Центральным вопросом для квалификации действий субъекта, выполняющего те или иные действия с наркотиком, является вопрос о том, происходит ли вследствие этих действий его движение, получает ли к наркотику, наряду с ним, доступ большее число лиц либо он вообще выбывает из сферы господства первоначального владельца и отчуждается другим лицам. Именно увеличение числа лиц, которые так или иначе используют наркотическое средство (хранят, перевозят и т.д.) либо становятся новыми самостоятельными владельцами, характеризует общественную опасность действий, направленных на передачу такового. Следовательно, основополагающим квалификационным вопросом является вопрос о том, влечет ли передача наркотика смену владельца либо, наоборот, порождает «расщепление» владения, вследствие которого число владельцев увеличивается.

В рамках незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ может иметь место только незаконное владение как фактическое отношение, выражающее присвоенность предмета, изъятого из оборота, тому или иному субъекту.

Поэтому, по нашему мнению, основой квалификации действий субъектов, осуществляющих те или иные операции с наркотиками, должна стать категория «владение», отражающая факт его присвоенности. При этом владельцем наркотического средства следует признавать как лицо, физически обладающее им, так и лицо, которое хотя в тот или иной момент не обладает им, но посредством осведомленности о месте хранения и других обстоятельств имеет возможность им распорядиться.

Соответственно, владелец — это любой субъект, получивший наркотики в обладание как «первоначальным», так и «производным» способом, предполагающим передачу их другими лицами. Отсюда следует вывод, что владельцами наркотических средств должны признаваться различного рода посредники, хранители, перевозчики, залогодержатели и любые лица, обладающие наркотиком, в том числе и временно по поручению «собственника». Иной вывод позволил бы утверждать, что если указанные

лица вопреки договоренности с субъектами, передавшими им наркотик для совершения тех или иных действий, отчуждают их третьим лицам, то они не совершают их сбыт, что, очевидно, неверно.

Представляется, что у посредника, хранителя, перевозчика, залогодержателя либо иного лица, обладающего наркотиком, в том числе и временно, появляется весь набор фактических возможностей, включая и отчуждения, в отношении наркотика как вещного объекта. Появление этих возможностей проистекает из самого присвоения наркотика, а не из условий договора с заказчиком о доставке наркотика в его обладание или с лицом, передающим таковой на хранение или для перевозки. Единственным препятствием для реализации таких возможностей является исключительно субъективная, ничем не гарантируемая обязанность возвращения предмета сделки квазисобственнику, передавшему наркотик для выполнения отдельных операций с ним.

Итак, по нашему мнению, необходимым условием осуществления сбыта наркотика является владение им, в том числе и временное. Однако сбытом наркотического средства нельзя признавать простой переход владения.

Сбыт наркотика суть переход возможностей, связанных с его фактическим владением, поэтому он всегда характеризуется двумя моментами: во-первых, реализацией сбытчиком возможности отчуждения наркотика, проистекающей из обладания им, а во-вторых, сменой субъекта его нахождения с одновременным появлением состояния исключительной зависимости наркотика от действий нового обладателя.

Владение как таковое начинается с присвоением вещи, то есть с установлением монопольного господства над ней, и заканчивается с утратой такого господства, то есть отчуждения либо выбытия по иным основаниям. Отчуждение вещи предполагает не только фактический переход вещи к другому субъекту, но знаменует отказ владельца от намерения владеть вещью как своей с целью возникновения такого владения на стороне нового субъекта.

Таким образом, отчуждение — это безвозвратная и безусловная передача вещи. Именно поэтому сбыт наркотика — это не просто его передача другому лицу, а такое действие, которое с субъективной стороны выражается в достижении цели передачи с наркотиком безраздельных возможностей по его потреблению, хранению или последующему сбыту. Поэтому последствием сбыта наркотика всегда является его распространение. В том случае если лицо не преследует цели отчуждения, говорить о сбыте нельзя. В противном случае нам пришлось бы признавать сбытом, к примеру, факты

перехода наркотика от владельца к хранителю и наоборот.

Отсюда следует практически значимый вывод о том, что, во-первых, сбытом следует признавать любые факты отчуждения наркотика, безотносительно от того, имелись ли у лица, осуществляющего передачу, «права» на его отчуждение, обусловленные договоренностями с первоначальным владельцем, либо нет (хранение, перевозка и т.д.), во-вторых, сбыт имеет место всегда, если владелец наркотического средства осуществляет его отчуждение другому лицу, вне зависимости от того, приобретался ли наркотик по поручению последнего или нет, поскольку в таком случае происходит смена субъектов владения. Иными словами, последовательная смена приобретателей наркотика означает и такую же смену сбытчиков.

В последнее время данная позиция находит поддержку и в практике высшей судебной инстанции. Так, Верховный Суд РФ признал несостоятельными доводы осужденной Е. о том, что она не сбывала наркотические средства, а лишь помогала покупателю в их приобретении. Суд указал, что на момент обращения покупателя к осужденной последняя хотя и не имела при себе наркотиков, но сразу же согласилась на просьбу о передаче ему наркотических средств, поскольку располагала достоверными сведениями об источнике их приобретения, мерах конспирации и была осведомлена о способах перевода сбытчику денежных средств и получения от него информации о месте и времени приобретения наркотических средств через тайник¹³.

Внедрение данных квалификационных позиций в практическую деятельность правоохранительных органов и судов, на наш взгляд, будет способствовать более точной правовой оценке действий лиц, осуществляющих отчуждение наркотиков, с точки зрения их реальной общественной опасности.

Список литературы

1. Аниканов А.К. Квалификация незаконного приобретения наркотического средства для другого лица // Уголовное право. 2018. № 2. СПС «Консультант Плюс».
2. Винокуров В.Н. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228, 228.1 УК РФ в свете новой редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Наркоконтроль. 2015. № 4. С. 8.
3. Долгих Т.Н. Квалификация действий посредников при незаконном приобретении и хранении наркотиков // Уголовный процесс. 2019. № 9. СПС «Консультант Плюс».
4. Мурашов Н.Ф. О некоторых положениях статьи В.Н. Курченко «Проблемы квалификации сбыта наркотиков: судебное толкование». Доктринальное толкование // Наркоконтроль. 2015. № 2. С. 37.
5. Мурашов Н.Ф. О проблемных положениях новой редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2015 // Наркоконтроль. 2016. № 1. С. 14–15.
6. Токманцев Д.В., Винокуров В.Н. Новые правила квалификации незаконного приобретения и незаконного сбыта наркотических средств // Уголовное право. 2016. № 1. С. 62–67.

¹³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 17.07.2018 № 34-АПУ18-6. СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 12.03.2020).

Problems of Understanding the Sale of Narcotic Drugs in Doctrine and Judicial Practice

Shevchenko Evgeniy,

Head of the Department for supervision of compliance
with Federal legislation of the Pskov region Prosecutor's office
E-mail: evgs@yandex.ru

Abstract. *In the article the problems of judicial and academic interpretation of the concept of sale of narcotic means and psychotropic substances. Currently, essential questions of understanding of marketing in order to distinguishing this transaction from other types of physical transfer of the drug to others, do not accept the sale, usually due attention in the literature is not given.*

However, the establishment of accessory drugs precedes the criminal legal evaluation of actions of the owner, associated with its use and disposal. The correct definition of the subject, which has a real opportunity to determine the fate of drugs, similar to the powers of the owner, it is important not only for differentiation of the objective side of acquisition, storage, marketing and other activities, but also for differentiating between types of partners, and in some cases forms of complicity.

At the theoretical level, the resolution of the issues of identity of drugs and legal assessment of persons involved in their trafficking is carried out by applying to the relations arising between subjects of the illegal market of drugs, analogues civil constructions proprietary and contractual relations, which are based on the idea of the owner of the drug as the owner possessing a thing from itself and for itself, in contrast to its passive holder with no right of ownership and acting in the interests of the beneficiary. Illegal relations, the subject of which is the drug transferred well-known civil law model of legal relations, the main participants of which is the owner of a thing, while other persons are carriers derived from the owner of the rights.

The author provides a critical analysis of the current doctrine of criminal law position on the possibility of applying to illegal drug deals in civil constructions proprietary and contractual relations. Substantiates the inconsistency of approaches to the separation of marketing from other activities associated with the transfer of narcotic drugs, on the basis of civil-law categories. In order to solve the qualification tasks proposed to proceed from the actual content of illicit trafficking in narcotic drugs, expressed in their assignment and alienation.

Key words: *sale of narcotic drugs, illegal transaction, possession, alienation, intermediary, technical transition of a narcotic drug.*

References

1. Anikanov A.K. Kvalifikaciya nezakonnoho priobreteniya narkoticheskogo sredstva dlya drugogo lica // Ugolovnoe pravo. 2018. № 2. SPS «Konsultant Plyus».
2. Dolgih T.N. Kvalifikaciya deistvii posrednikov pri nezakonnom priobrenenii i hranenii narkotikov // Ugolovnij process. 2019. № 9. SPS «Konsultant Plyus».
3. Murashov N.F. O nekotoryh polozheniyah statii V.N. Kurchenko «Problemi kvalifikacii sbita narkotikov: sudebnoe tolkovanie». Doktrinalnoe tolkovanie // Narkokontrol. 2015. № 2. S. 37.
4. Murashov N.F. O problemnih polozheniyah novoi redakcii postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossiiskoi Federacii ot 15.06.2015 // Narkokontrol. 2016. № 1. S. 14–15.
5. Tokmancev D.V., Vinokurov V.N. Novie pravila kvalifikacii nezakonnoho priobreteniya i nezakonnoho sbita narkoticheskikh sredstv // Ugolovnoe pravo. 2016. № 1. S. 62–67.
6. Vinokurov V.N. Kvalifikaciya prestuplenii, predusmotrennih st.st. 228, 228.1 UK RF v svete novoi redakcii postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF «O sudebnoi praktike po delam o prestupleniyah svyazannih, s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnimi, silnodeistvuyuschimi i yadovitimi veschestvami» // Narkokontrol. 2015. № 4. S. 8.